

История Закарпаття в эпоху средневековья, судьбы его древнего населения, происхождение закарпатских украинцев, их связи с жителями остальной восточнославянской территории давно уже стали объектом пристального внимания историков и археологов, лингвистов и этнографов. Пожалуй, самая сложная проблема древнего прошлого Закарпаття, этого интереснейшего в историческом плане региона, лежащего на границе Восточной и Центральной Европы,— это время появления здесь славян. Начиная с XIX в. и до наших дней, каких только не было выдвинуто теорий и гипотез относительно времени и этапов славянского заселения закарпатской области, а также ее политической принадлежности в средние века! Далеко не все из них, однако, выдержали проверку временем, поскольку, базируясь на весьма скурых и отрывочных свидетельствах письменных источников, не были подкреплены достаточными доказательствами. Так, не подтвердилась ведущая свое начало от легендарного Нестора-летописца гипотеза о карпато-дунайской прародине славян. Во многом лишь историографический интерес представляют господствовавшие в русской дореволюционной и венгерской буржуазной историографии идеи о позднем освоении славянами Закарпаття (в XI—XII или XII—XIV вв.). Прояснить эту сложную и запутанную проблему удалось лишь с помощью археологических данных, однако до недавнего времени археологические изыскания носили здесь случайный и эпизодический характер. Только в послевоенные годы начались планомерные раскопки славянских памятников Закарпаття. Результаты их и обобщены в рецензируемой книге, автор которой вложил немало труда в изучение проблемы, далеко выходящей «за рамки сугубо регионального вопроса» и связанной «с общей проблемой исследования материальной и духовной культуры древних славян» (с. 6).

Территориальные рамки исследования также во многом выходят за пределы Закарпаття, составляющего часть более обширного региона — бассейна Верхней Тиссы, включающей восточные районы Словакии, Венгрии, Румынии и Закарпатскую область Украины. Отрадно, что автор книги, описывая памятники Закарпаття, привлек сходные материалы из соседних районов Верхнего Потисья, что позволило создать более полную картину исторического развития местного славянского населения.

В разделе I рецензируемой монографии представлена историография вопроса о заселении славянами Верхнего Потисья и охарактеризованы привлекаемые источники. Основное место в работе занимает раздел II, в котором дана обстоятельная характеристика известных к настоящему времени раннесредневековых славянских памятников Закарпаття. Касаясь проблемы происхождения раннесредневекового славянского населения Закарпаття, С. И. Пеняк предполагает, что «славянская культура второй половины I тысячелетия н. э. на территории Верхнего Потисья непосредственно сформировалась на базе трех культур: культуры карпатских курганов, пшеворской и пряшевской», существовавших в римскую эпоху (с. 21). С этим мнением трудно согласиться, поскольку истоки достоверно славянской пражско-корчакской культуры V—VII вв. прослеживаются лишь в одной из групп пшеворской культуры в междуречье Вислы и Одера, а генетические связи пшеворского населения Закарпаття с раннесредневековыми славянами пока еще не доказаны¹. Памятники пряшевской культуры и культуры карпатских курганов, не имеющие ничего общего с культурой пражского типа, оставлены местным неславянским населением, которое было ассимилировано пришлыми славянскими племенами в процессе миграции из области их первоначального обитания, локализуемой лингвистами и археологами в античную эпоху в более северных районах между Вислой и Одером или Днепром и Одером². Таким образом, приходится констатировать, что пока нет достаточно веских оснований датировать расселение первых славянских групп в Закарпатье временем ранее VI в.

Даже при беглом обзоре помещенного в книге списка, насчитывающего всего 42 раннесредневековых славянских памятника Закарпаття, сразу же бросается в глаза преобладание в нем поселений и погребений дофеодалного периода VI—IX вв. и наличие лишь единичных, причем плохо исследованных памятников X—XIII вв., что не могло не ограничить возможности реконструкции картины исторического развития закарпатского региона в древнерусскую эпоху. Перейдя к характеристике памятников, автор прослеживает определенные закономерности в топографии славянских селищ VI—IX вв., располагавшихся в пригодных для земледелия низинных и предгорных районах группами по три-четыре памятника. Характер этих групп, так же, как и выделенных в книге более крупных четырех районов концентрации памятников в долинах рек Уж, Латорица, в верховьях и на левобережье Тисы, пока не выяснен (с. 93). Можно предположить, что первые, вероятно, соответствуют соседским общинам, а вторые — малым племенам. Однако не исключено, что в ряде случаев эти скопления памятников имеют естественно-географический характер. Более точный и аргументированный ответ должны дать дальнейшие массовые раскопки выявленных гнезд поселений. Археологические исследования в Закарпатье пока не подтверждают высказанное недавно в литературе предположение о том, что славяне, жившие на склонах Карпат, еще в римскую эпоху

¹ Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979, с. 116—117.

² Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. М.: Наука, 1976, с. 40, 118, 203.

познакомились с отгонно-пастушеским скотоводством³. Здесь, как и в соседних областях Польши и Словакии, славянское население начинает осваивать горные районы лишь в XI—XIII вв., когда у них, по всей видимости, и зарождаются основы пастушеского хозяйства, получившего более широкое развитие позднее с началом валашской колонизации. Освоение горной зоны С. И. Пеняк связывает с бегством крестьян от наступления венгерских феодалов, но, вероятно, определенную роль в этом процессе сыграли также сугубо экономические причины, заставлявшие славянское население расширять жизненное пространство.

Предложенная в монографии классификация немногочисленных славянских городищ Закарпатья (Ужгород, Вары, Дидове и др.), изученных гораздо хуже селищ, носит, как нам представляется, предварительный характер, поскольку на данном этапе исследования трудно точно определить их функции (с. 96). Град в Ужгороде уже в конце IX в. служил местопребыванием местного князя и являлся раннефеодальным центром. Среди остальных же городищ пока нет возможности выделить феодальные и общинноплеменные центры.

В книге дано достаточно полное описание домостроительства, хозяйственных и производственных сооружений закарпатских славян. Интересно, что наряду с широко распространенными по всему славянскому миру в VI—VII вв. полуземлячными жилищами прямоугольной формы с печами-каменками в Закарпатье открыты овалы полуземлянки, а также двухкамерные постройки полуземлячного типа на поселениях в Ужгороде (урочище Радванка), у сел. Оросиево и Холмок. Возможно, одна часть такой двухкамерной полуземлянки с отопительным сооружением являлась жилой, а вторая, обычно без него, имела хозяйственно-производственное назначение. Причем в отличие от близлежащих славянских поселений Поднестровья и Волыни в Закарпатье преобладают жилища не столбовой, а срубной конструкции; быть может, это объясняется их более поздней датировкой, которую еще предстоит обосновать⁴.

Погребения по обряду трупосожжения в могильниках и курганах, открытые в Ужгороде, у сел. Червенево, Зняцево, аналогичны славянским погребальным памятникам VI—IX вв. соседних областей Украины, Румынии, Словакии. Заслуживает внимания интересное наблюдение автора о взаимосвязи степени кремации умерших (полностью сожженные или полусожженные кости) с типом погребений под курганными насыпями (в урне, кучке и разбросанном состоянии), связанной, по-видимому, с эволюцией погребального ритуала (с. 103). В отличие от близлежащей Восточной Словакии, в Закарпатской области пока не обнаружены ни биритуальные славяно-аварские могильники, ни христианские кладбища XI—XIII вв. с труположениями.

Анализ археологических находок позволил автору монографии впервые в литературе дать достаточно полное описание занятий древнеславянского населения Закарпатья. Не вызывает сомнений сделанный в работе вывод, согласно которому «основной отраслью хозяйства в Закарпатье на протяжении второй половины I тысячелетия н. э. было земледелие» (с. 109), а «разведение домашних животных играло большую, но не основную роль» (с. 115). Однако намеченную автором периодизацию вех развития земледелия (замена подсеки пашенной системой, переход от перелог к двухполью, а затем к трехполью) нельзя признать окончательной из-за недостаточной аргументированности, вызванной отчасти отсутствием находок зерен растений в материале славянских памятников Закарпатья.

В работе хорошо показано развитие у закарпатских славян в эпоху раннего средневековья металлургического производства, в котором С. И. Пеняк видит влияние позднелатенских традиций. Связанная с ним металлообработка описывается на примере различных орудий труда, предметов вооружения и украшений, большая часть которых относится к числу случайных, не привязанных к определенным памятникам находок, что, конечно, несколько ограничивает их познавательные возможности. Много места в книге отведено характеристике керамики, в эволюции которой намечаются четыре хронологических этапа, относящихся соответственно к VI—VII, VIII—IX, X—XI и XII—XIII вв. Хотя границы между этапами в известной степени условны, в целом они верно отражают картину развития гончарного производства. Чтобы использовать керамику для определения относительной хронологии поселений и погребений, следовало бы создать более подробную и точную классификацию форм лепной и гончарной посуды и разработать их корреляцию по комплексам. Необходимо, на наш взгляд, заострить внимание на проблеме освоения раннесредневековым славянским населением Закарпатья гончарного круга. Вопреки высказанному ранее мнению автора, на основе археологических данных нельзя проследить непрерывность в использовании гончарного круга в Закарпатье от латенской и римской эпох до раннего средневековья⁵. Вероятнее всего, легкий ручной круг был принесен сюда на рубеже VII—VIII вв. из соседнего Среднего Подунавья, где сохранялись более прочные традиции провинциально-римской культуры. Его появление в Закарпатье связано с находками так называемой подунайской керамики, основная область распространения которой охватывает Моравию и Словакию.

³ *Королюк В. Д.* Пастушество у славян в I тысячелетии н. э. и перемещение их в Подунавье и на Балканы. Славяне и волохи.— В кн.: Славяно-волошские связи. Кишинев: Штинца, 1978, с. 177—198.

⁴ Заметим, однако, что остатки срубов в полуземлянках встречаются крайне редко, не всегда прослеживаются и столбовые ямы, и посему у археологов нет единого подхода к методике определения срубных жилищ: одни считают, что они появились только в VIII—IX вв. (И. П. Русанова, Б. А. Тимошук), по мнению других (П. А. Раппопорт), они господствовали у славян уже в VI—VII вв.

⁵ См.: *Балагур Е. А., Пеняк С. И.* Закарпаття — земля слов'янська. Ужгород: Карпаты, 1976, с. 125—127.

Только так можно объяснить тот факт, что у находившихся на одинаковом уровне социально-экономического развития славянских племен Поднестровья и Волини гончарный круг появился гораздо позднее: на рубеже VIII—IX вв. или даже в IX в.⁶

В последних разделах монографии автор на основе изучения материальной культуры и отрывочных данных письменных источников делает выводы об уровне общественных отношений, племенной и политической принадлежности древнеславянского населения Закарпатья. Некоторые из высказанных здесь положений, по его собственному признанию, носят спорный характер, ввиду недостаточной изученности памятников и слабой разработанности археологической методики реконструкции социальных, политических и этнических процессов, датировка которых осложняется из-за невозможности на данном этапе исследования прочно обосновать хронологию памятников. В книге весьма убедительно доказывается восточно-славянский характер культуры закарпатского населения, в которой выявлены и отдельные западно-славянские черты. К сожалению, сведения о его древнем племенном названии не сохранились, но методом исключения С. И. Пеняк помещает здесь летописных белых хорватов, локализуемых обычно на довольно широкой территории между верховьями Вислы и Днестром. Учитывая такую определенную близость раннеславянских памятников Закарпатья и Поднестровья, можно согласиться и с мнением о последовавшем в VI в. переселении сюда части хорватских племен через карпатские перевалы из района Верхнего Днестра и Прута. Это переселение совпадает по времени с появлением в Закарпатье славянских памятников пражской культуры. В VII в., пишет автор, состав местного славянского населения пополнился за счет новых групп хорватов, а в IX—XI вв. здесь наблюдается приток выходцев из других восточно-славянских племен (уличей, тиверцев, дулебов), пришедших из Прикарпатья, спасаясь от нападений кочевников. Однако в археологическом материале передвижения славянских групп с востока в Закарпатье в VII—XI вв. пока, как нам кажется, не фиксируются. Зато ряд признаков (раннее появление гончарного круга и подунайской керамики, находки некоторых орудий труда, украшений и предметов вооружения, в частности глиняных пряслиц с линейным и зигзагообразным орнаментом) дают возможность выдвинуть предположение о проникновении сюда каких-то западно-славянских племен в конце VII — начале VIII в. из Среднего Подунавья, а точнее из юго-западной части Словакии, где они подвергались притеснениям со стороны авар. Западно-славянским влиянием, по нашему мнению, и объясняется некоторое своеобразие культуры закарпатских славян на фоне остальных восточно-славянских областей.

Проанализировав систему хозяйства и уровень развития социальных отношений, С. И. Пеняк пришел к закономерному выводу о том, что славяне Закарпатья во второй половине I тысячелетия н. э. «переживали последнюю стадию первобытнообщинного строя: эпоху военной демократии и образования классового общества» (с. 147). По мнению исследователя, не вызывающему возражений, строй военной демократии возник у славянских племен Верхнего Потисья несколько позже и просуществовал дольше, чем в других частях славянского мира, что могло быть вызвано определенной замкнутостью данного региона на силу его естественно-географических условий. В то же время следует признать преждевременным и необоснованным высказанное далее положение, согласно которому «на конец I тысячелетия в Верхнем Потисье археологическими и письменными источниками засвидетельствовано существование целиком оформленной феодальной государственной власти с институтом феодальной иерархии» (с. 149). Возникшее не позднее конца IX в. закарпатское племенное княжество белых хорватов так никогда и не достигло стадии раннефеодальной монархии, приход венгров и последующее включение Закарпатья в X—XI вв. в состав венгерского государства прервали ход его поступательного развития⁷.

Затронув дискуссионный вопрос о политической принадлежности Закарпатья до начала X в., автор убедительно доказал несомненный факт вхождения местного хорватского княжества в состав Руси, видимо, на правах вассала и данника киевских князей. Удаленность от Киева и горная преграда — Карпаты мешали им удерживать постоянный контроль над Закарпатьем, поэтому не исключено, что какое-то время в IX в. оно находилось под политическим и культурным влиянием Великой Моравии (в момент усиления последней). Традиционные этнические связи Закарпатья с соседними восточнославянскими областями не были оборваны. В XI—XIII вв. и позднее сюда не раз направлялись новые потоки восточно-славянского населения: жители Галицкого княжества, а затем украинцы.

Разумеется, далеко не на все вопросы раннесредневековой истории Закарпатья сейчас можно дать точный и исчерпывающий ответ. Так, предстоит еще проследить процесс его феодализации в XI—XIII вв. и зарождения здесь городов, этапы его включения в структуру венгерской державы, картину взаимоотношений славян с пришлым неславянским населением (мадьярами, и позднее — с XIII в. — с немецкими колонистами). Рецензируемая книга существенно продвигает вперед изучение всех процессов социально-экономического, политического и культурного развития Закарпатья в эпоху раннего

⁶ См.: Тимошук Б. О. Слов'яни Північної Буковини V—IX ст. Київ: Наук. думка, 1976, с. 41—42.

⁷ К сожалению, автор не использовал здесь помимо немногочисленных письменных источников исторические предания («Загибель Боржавського замку», «Про Мукачівський замок»), повествующие об ужгородском князе Лаборце и находившихся в Потисье владениях болгарского правителя Салана. См.: Мельник В. М. Украинско-венгерские отношения в украинском фольклоре Карпатского региона. — Сов. этнография, 1977, № 5, с. 93—96.

средневековья, вводит в научный оборот новый интересный материал и создает необходимый плацдарм для будущих исследований. Изложенная в монографии С. И. Пеняка целостная концепция, несомненно, привлечет внимание специалистов, занимающихся историей Закарпатья.

В. Б. Перхавко

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОБ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Современные этнонациональные процессы в странах Западной Европы/Отв. ред. Токарев С. А. М.: Наука, 1981, 184 с.

Трудно переоценить важность изучения современных этнонациональных процессов. В старой Европе они имеют целый ряд характерных особенностей, и появление сборника, посвященного им, как нельзя более своевременен. Книга написана специалистами из Сектора народов зарубежной Европы Института этнографии АН СССР, выпустившего уже десятилетие тому назад сборник по сходным проблемам¹ и посвятившего его С. А. Токареву, который ныне выступил как ответственный редактор рецензируемого издания.

Во введении изложены основные теоретические принципы сборника и указана его основная тема — национальные движения. Они, разумеется, вырастают из этнических процессов, обусловленных процессами социально-экономическими. Национальные движения, вплетаясь в ткань социальной истории, нередко осложняют и даже затемняют ее классовую сущность, как отмечается во введении. Так неоднократно бывало и в странах Европы, где национальные движения последних 200 лет способствовали созданию ряда национальных государств. Процессы этого рода представляют собой одну из трех тенденций этнических движений, которые выделяются во введении. Две другие — борьба за родной язык и за самобытную культуру. Отмечена неизбежность двуязычия у малых народов и его положительная роль в языковой интеграции. Движение за самобытную культуру рассматривается как безусловное благо, в частности для культурного взаимовлияния народов. Во многих случаях это действительно так, но в иных может способствовать их разобщению. Вообще же все эти три безусловно важные тенденции действуют в едином комплексе, и аксиологические оценки их не могут быть всегда однозначными, как и оценки тех или иных национальных движений, которые должны рассматриваться конкретно, что особенно важно в наше время, время так называемого «этнического возрождения».

Разумеется, нынешние этнические процессы и национальные движения нельзя понять, не зная их исторических корней, но современная специфика этих процессов и движений обусловлена их глобальным характером, воздействием на них научно-технической революции. Решить эту проблему достаточно сложно, но поставить ее было бы уместно во введении к сборнику, название которого начинается со слова «Современные». Между тем она не поставлена, и авторы почти всех статей, видимо, не считали своей задачей ее разработку.

Три статьи сборника посвящены народам Британских островов. В статье И. Н. Гроздовой «Шотландцы. Тенденции этнического развития» обстоятельно разбирается этническая и этнокультурная история шотландского народа начиная со средневековья. Шотландцы практически перешли на английский язык, на котором начиная с XVIII в., часто на шотландские же темы, писали выдающиеся писатели-шотландцы, вошедшие в английскую, европейскую, мировую литературу. Самый известный из них, пожалуй, Вальтер Скотт. Джеймс Макферсон, автор «Песен Оссиана», представляющих собою стилизацию под народные сказания, а вернее литературную мистификацию, оказал большое влияние на европейский романтизм, культивировавший национальные традиции, способствовал даже возникновению европейской этнографии и фольклористики. Сходным образом повлиял Оссиан и на художественное сознание России².

В статье подчеркивается, что шотландская культура продолжает развиваться на английском языке и «до сих пор среди шотландцев высоко развито национальное самосознание» (с. 30). Точнее, вероятно, это самосознание в последний период усилилось. Автор прослеживает историю национального движения и националистических организаций в Шотландии начиная с XVIII в. Подчеркнута их особая активизация после второй мировой войны, связанная с упадком старых, «классических» отраслей промышленности и с малым развитием современной индустрии. Отмечен и стимул, полученный националистическим движением в связи с добычей нефти у берегов Шотландии. Жаль

¹ Этнические процессы в странах зарубежной Европы. М.: Наука, 1970.

² Гольдберг М. Я. Рецензия на кн.: Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе (конец XVIII — первая треть XIX века). Л., 1980.— Сов. этнография, 1982, № 5, с. 148—150.